
References

- Filaret (Gumilevskii). Maksim Grek. In *Moskvityanin*. 1842. Vol. 6. No. 11. Pp. 45–96. (In Russ.)
- Garzaniti, M. “Styazanie o izvēstnom inoch'skom” zhitel'stvě” Maksima Greka. Struktura proizvedeniya i ego tsel'. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 1 (83). Pp. 161–170. DOI 10.25986/IRI.2021.83.1.012 (In Russ.)
- Garzaniti, M. “Styazanie o izvēstnom inoch'skom” zhitel'stvě” Maksima Greka. Ponyatie nestyazhatel'stva i ego istochniki. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 2 (84). Pp. 142–155. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.012 (In Russ.)
- Garzaniti, M. La donna dell'Apocalisse in Russia: immagini e metafore nella produzione apologetica della prima metà del XVI sec. In *In dialogo con l'Occidente: Rinascimento e renovatio nella Russia del Cinquecento*. A cura di M. Garzaniti, F. Romoli, O. Akopyan, I. Karafillidis. Firenze, 2025 (in print).
- Ivanov, A. I. Maksim Grek i Savonarola. In *Bogoslovskie trudy*. Moscow, 1974. Vol. 12. Pp. 184–208. (In Russ.)
- Schnitzer, G. Savonarola. Milano, 1931. Vol. 1–2.
- [Verner, I. V.] Interlinearnaya slavyano-grecheskaya Pcaltyr' 1552 g.: v perevode Maksima Greka. Research and preparation of text by I. V. Verner. Moscow, 2019. 928 p. (In Russ.)

Marcello Garzaniti
University of Florence, Florence, Italy

THE FIRE IN TVER (1537) IN THE REFLECTIONS OF MAXIMUS THE GREEK. CRITICISM OF THE CITY CLERGY, INSPIRED BY THE IDEA OF CHRISTIAN RENEWAL (RENOVATIO)

After a long imprisonment in the monastery of Joseph of Volokolamsk, when he was a guest of Akakios, Bishop of Tver, Maximus the Greek took advantage of the tragic event of the city fire to sharply criticize the local clergy. This short work shows clear similarities with the sermons and writings of Girolamo Savonarola, but at the same time highlights the ability of the Athonite monk to evaluate the specific historical and social conditions of Russia at that time, while preserving the sense of Christian renewal (renovatio) that he had encountered in the West, with its drive to return to the authentic Christianity of the first centuries.

Keywords: cultural relations between Russia and the West, the Bible and literature, the Russian clergy, Maximus the Greek

УДК 94(47).04 DOI 10.25986/IRI.2025.102.4.014

С. В. Городилин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия. sergey.v.gorodilin@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ В ЖИТИЯХ УСТЮЖСКИХ ЮРОДИВЫХ (ДВА ЭПИЗОДА ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.)

В статье разбираются два известия из агиографических текстов об устюжских святых, дающие возможность точнее определить упомянутых там лиц. Это, в свою очередь, добавляет некоторые новые черты к характеристике высшего слоя Устюга рубежа Средневековья и раннего Нового времени.

Ключевые слова: Устюг, Устюжская земля, XV век, XVI век, дьяк Владимир Тараканов, Иоанн Устюжский, Прокопий Устюжский

Формирование новых культов местных святых в русских землях на исходе Средневековья и в самом начале раннего Нового времени предоставляет исследователям социальной истории возможности, нередко оказывающиеся уникальными. Пространные агиографические тексты начинают появляться на ранних этапах становления культов, фиксируя ощутимый объем связанной как с взглядами и представлениями различных социальных групп, так и с бытующими внутри них практиками и в целом с повседневной действительностью информации, современной этим текстам. При обращении к традиционному для отечественного историописания материалу летописей такие сведения чаще всего недоступны, поскольку для летописного нарратива они не казались уместными и значимыми. Обычно они остаются и за рамками актов той эпохи, и так, впрочем, весьма плохо сохранившихся. Ценность записей чудес новых святых, авторы которых считали долгом указание самых разных деталей – свидетельств достоверности и значимости случившегося, отмечена уже в классической работе о древнерусских житиях [Ключевский, с. 417, 419, 438].

Наша статья посвящена двум вполне частным фактам, которые отразились в комплексе памятников агиографии, связанных со становлением почитания в Устюге юродивых Прокопия и Иоанна. Обратив на них внимание пришлось при изучении начальных этапов бытования данных культов, но полагаем, что они интересны и сами по себе. Работая с этими житиями, исследователь социума, где жили их

герои, а затем и формировалось их почитание как покровителей города, попадает в ситуацию, удобство которой было бы невозможным в более обычных для отечественной средневековой истории обстоятельствах. Помимо включающего Жития обоих святых, чудеса и похвалы комплекса текстов, крайне близкого ко времени становления культов (он возникает к середине XVI в. [Ключевский, с. 277–278]), имеются Устюжский летописный свод – памятник локального летописания, появившийся в конце 1510-х – 1520-х гг., и комплекс актов XV–XVI вв. устюжского собора, той корпорации, в рамках которой и жили в статусе «церковных людей», соборных нищих, а по смерти были прославлены как чудотворцы оба святых. Возможность оперировать данными источников разного вида, описывающих одну общность в течение примерно одного периода, открывает перспективы как в плане анализа их достоверности, так и в получении дополнительной информации для создания более многомерной картины минувшей реальности.

Согласно Житию, Иоанн родился в селе Пухове близ Устюга [Власов, с. 278]¹. Затем семья переселилась в городок Орлов, центр известной актам второй четверти XVI в. волости [АСЗ, т. 4, № 352, с. 265–266]. Овдовев, мать Иоанна ушла в монастырь, а святой вскоре перебрался в Устюг. Там он «изволяет себе жыти у соборныя церкви Пречистыя Богородица Всечестнаго Ея Успения» [Власов, с. 280] и юродствует. В прижизненном чуде как очевидец упомянут соборный священник «Григорий, именем зовом Долгая Брада» [Власов, с. 282], и он уверенно соотносится с фигурирующим в акте 1507 г. протопопом Григорием [Румовский, № I, с. 63]². 29 мая 1512 г.³ святой умирает, причем, по словам автора Жития, рассказавший ему о жизни Иоанна отец агиографа, игумен Борисоглебского монастыря Дионисий, а в то время – тоже соборный иерей⁴, участвовал в погребении юродивого.

В сообщении Жития о появлении Иоанна в Устюге, которое приходится отнести к концу XV или началу XVI в., есть точная деталь: «начат же святыи жыти в хижичи, сииречь, в сторожне, юже поставил некий христоролюбец Андрей именем, рекомый Мишнев. В ней же святыи и принося молитвы, яко кадило, Господеви...» [Власов, с. 280]. Как видим, названо имя строителя помещения для соборных сторожей, хотя дальше о нем ничего не говорится и неясно, выступил ли он плотником, или оплатил постройку.

Собор и все с ним связанное находились в центре внимания горожан, и уж членам его клира история появления сторожки явно должна была быть известна, агиограф же привел лишний факт для лучшей достоверности. Но очевидно, что его информанту указание этого имени казалось важным, а некий христоролюбец Андрей Мишнев – известным в их сообществе. Неоценимую помощь нам предоставляет Устюжский свод. Там Андрей Мишнев упомянут дважды. В 1479 г. «шилники здумали на Устюзе – Андрей Мишнев, да шед без ведома великого князя, да Емчю взяли», а в 1481 г. «Андрей Мишнев с шильники и устюжаны ходили в Великую Пермь, да побили вогулич под Чердынем, а на Каму шедши, да встретили гостей и тюменских тотар, да пограбили» [ПСРА, т. 37, с. 94, 95; УАС, с. 92, 94]. И так, за два десятилетия до описываемых Житием событий Андрей Мишнев действует в Устюге как удалой предводитель походов горожан и примыкающих к ним охочих людей на соседние земли. Характер оба предприятия имели явно грабительский, хотя, к примеру, история вражды устюжан и емчан длится как минимум с 1342 г., когда на жителей Емцы оперся в попытке захвата верхнедвинского Заволочья сын новгородского посадника Варфоломея Лука (см.: [Городилин]). В XIV–XV вв. известны и рейды из новгородского Подвинья в Устюжскую землю, и, напротив, походы вниз по Двине с участием устюжан. Падение Новгородской республики в 1478 г. лишило приграничную Емцу ее защиты, чем тут же не преминули воспользоваться в Устюге. Поход же 1481 г. в Пермь даже по описанию сопоставим с былыми акциями ушкуйников.

¹ Позже вошло в вотивину соседнего Троице-Гледенского монастыря [РИБ, стб. 337].

² Сын протопопа Григория Ерофей Григорьев сын Долгия Брады / Долгобородов есть среди послухов в купчих 1535 и 1544 гг. при протопопах Дементии и Емельяне [Румовский, № XV-2, XV-5, с. 106, 109].

³ В издании [Власов, с. 283] текст Жития приведен точно: «в лето седмыя тысячи двадесятого месяца мая в 29 день», но публикатор вставил другую дату «7002, т.е. 1495» для согласования с традицией, идущей от печатных Святцев (М., 1646 г.). В их месяцесловных записях отмечен ряд ошибок [Карбасова, с. 260, 292]. Иоанн, согласно им, умер 29 мая 7002 (это все же 1494, а не 1495) г., но при великом князе Василии (1505–1533 гг.) и митрополите Симоне (1495–1511 гг.).

⁴ Как можно судить, речь идет о протопопе Доментияне, упоминаемом в 9-м чуде Жития Прокопия, а также в купчей 1535 г. как «Дементей протопоп Захарынь сын Хорхоринь», в жалованной грамоте архиепископа Кирилла (1526–1538 гг., опубликована по списку с неверной датой: [Румовский, № 2, с. 106; РИБ, стб. 123–125]) и в двух подтверждениях пожалований 1538 г. [Румовский, № I, с. 65; № II, с. 66–67] и принявшем затем стриг с именем Дионисий.

О набеге на Емцу летописец уточнил, что он совершен без воли великого князя (что очевидно, ибо земли Новгорода в Подвинье перешли под власть Москвы, и там бы его не одобрили) из Устюга по инициативе Андрея Мишнева и *шилльников*, во втором же случае *шилльники* названы наряду с *устюжанами*. Уверенно судить о принадлежности самого Андрея именно к горожанам по этим данным было сложно. Но благодаря Житию уже яснее, что он входил в число знатных жителей Устюга – организаторов и участников военных предприятий, обычно скрытых в летописях под собирательным определением *устюжане* и называемых по именам лишь в редких случаях, таких как казнь князем Дмитрием Шемякой в 1450 г. в Устюге «добрых людей» Емельяна Лузского, Мини Жигулева, Давыда Долгошеина и Евфимия Ежевины, поход 1465 г. Василия Скрябы на Югру, гибель на Каме «ватамана устюжского» Саввы Осеева в походе на черемис в 1468 г. или передача пленных лидеров вятчан участвовавшим в походе 1489 г. устюжанам Федору Есипову, Левонтью Манушкину, Федору Жюголеву и Ивоилу Опалисову [ПСРА, т. 37, с. 89, 91, 97; УЛС, с. 82, 86, 87, 97].

Представители этого же круга городской знати в мирное время, судя по всему, организовывали сбор налогов и пошлин в городе и станах и под именем «бегоулей и всех устюжан» в этом качестве упомянуты в великокняжеской грамоте устюжскому наместнику князю Ивану Александровичу Звенигородскому и тиуну Кузьме Коробьину [Аракчеев, с. 183]⁵. Они же были и главными благотворителями и покровителями городского собора, и логично, что тот же самый Федор-Федка Жюголев в 1470-х гг. бьет челом великому князю «ото всех устюжан о попех Пречистые зборные церкви устюжские» в защиту ее деревень от посягательств ростовского архиерея [АСЭИ, № 281, с. 297], а в 1517 г. устюжанин Митя Бунков с челобитьем «ото всех станов устюжскихъ» просит защитить от наместничих и тиунских поборов жителей тех же принадлежащих «Богородскому протопопу с братьею» земель [Румовский, № II, с. 66]. Сын Федора Жюголева Семен⁶ до 1521 г. владел островом Ожаровым «пожнями с лесом», который затем перейдет от Ивана Циренникова соборному протопопу Дементию, а вдова Евстафия Опалисова Матрена и их дети, внуки бывшего в 1489 г. на Вятке с Федором Жюголевым Ивоилы Опалисова, дают в собор деревню Селивановскую на Шомоксе с условием внести в синодик пять имен, «Евстафия за упокой, а Матрону с тремя детми за уздоровье» [Румовский, № XV-1, XV-2 с. 105-106, № XV-7, с. 111-112]⁷.

Собор был средоточием жизни и центром идентичности городского сообщества, его клир жил на доходы с деревень в городских станах, «что им давали устюжане черные деревни по своим душам», как сказано в жалованной грамоте 1549 г. «протопопу Емельяну съ братьею или по нем инъ протопоп и попы і діаконы у Пречистые...» [Румовский, № III, с. 67], и сам патронат над собором и соборянами, участие в их обеспечении уже манифестировали и закрепляли, кроме прочего, принадлежность к устюжской знати и высокий социальный статус членов этой группы.

В случае Андрея Мишнева устройство им при соборе избы-сторожки, где потом ютились и соборные нищие, ставшей своего рода *Stiftung* Андрея, обеспечило длительную память о нем в городе не только как о главе удалых и удачных набегов, но и как о христолюбце-благотворителе – вне зависимости от источников потраченных на благое дело средств. Такие детали приоткрывают завесу над функционированием своеобразного устюжского социума XV в., верхний слой которого состоял из свободных и состоятельных людей, владеющих землями и деревнями, занимающихся, вероятно, в силу наличия средств и важной для Устюга транзитной и дальней торговлей⁸, способных на серьезное самостоятельное участие в военных походах, но при этом не связанных прямо со службой великому князю и не именуе-

⁵ Уточним, что акт написан после завершения в конце 1466 г. княжения Ивана Звенигородского в Пскове, и, учитывая, что уже в 1468 г. сын князя Ивана Иван Звенец ведет устюжан в поход на татар [ПСРА, т. 26, с. 224], наместничество в Устюге Иван Александрович получил сразу вслед за псковским.

⁶ Федор и Семен Федорович Жюгулевы явно в родстве с казненным в 1450 г. Миней Жигулевым, а избежавший гибели тогда же Евфимий Ежевина – вероятно, с Яковом Григорьевым сыном Ежевининым, послухом во вкладной 1540 г. Ивана Григорьева сына Осеева (с Ежевиной и Ежевиниными, возможно, связано и название дер. Ежевинская Бармина из купчей 1541 г. [Шляпин, № 111, с. 149; № 51, с. 64]). Судить, был ли еще и Иван Осеев родичем павшему в 1468 г. атаману Савве Осееву, сложнее из-за распространенности отыменного прозвища.

⁷ Тесные связи в среде знати Устюга сохранялись и далее: в 1567 г. в купчей на деревню внучки Ивоилы Опалисова и дочери Евстафия Капельи послухом был Борис Ильин сын Жюгулев [Шляпин, № 39, с. 51].

⁸ Уже Двинская уставная грамота 1397 г. свидетельствует о масштабном транзите через Устюг соли, а Павел Иовий в 1525 г. пишет о «знаменитом торжище под названием Устюг», куда жители Перми, Печоры, Югры, пинежане, вогулы и иные народы везут «драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары» [АСЭИ, № 7, с. 21; Павел Иовий, с. 269].

мых в источниках *боярами* (даже и в новгородском, псковском или двинском понимании) или *детьми боярскими*.

Другой рассматриваемый эпизод связан с чуть более поздним этапом существования той же общности. В конце XV – первых десятилетиях XVI в. в Устюге начинает складываться почитание первого из его святых покровителей – Прокопия. В формировании нового культа оказалась задействована юродская парадигма – кроме прочего, из-за отсутствия в сакральном центре города, соборе, захоронений епископов или князей и по образу уже установившегося в бывшем владычной кафедрой для устюжан Ростове почитания тамошнего юродивого Исидора. Постепенно начинают фиксироваться устной традицией, а иногда и записываться объясняемые святостью Прокопия чудеса от его погребения, и к середине XVI в. эти припоминания и записи и бытующие в городе представления о его жизни были собраны и обработаны, составив первое Житие. Из тех чудес, что можно датировать по упоминаниям лиц и реалий, самым ранним является, судя по всему, относимое ко времени около 1496 г. чудо о слуге наместника князя Семена Борисовича [Сорокатый]⁹, а остальные – уже к 1530-м гг.¹⁰

Интерес представляет 2-е чудо «О нѣкоемъ бояринѣ разслабленомъ». Сообщается, что видный московский администратор, служащий великому князю, тяжело заболел. Пришедшие к нему по делу устюжане рассказали, что в их городе некогда жил «некий человек свят» Прокопий, погребенный у собора, и там и поныне творятся исцеления. Узнав об этом, «боярин» шлет в Устюг гонца. Тот заказал у «клириков соборные церкви» молебен и, взяв освященную «во имя чудотворцево» воду и «стихиры и канон і вбраз святого Прокопия», вернулся в Москву. Получивший все это его господин обратился с молитвой к устюжскому святому и выздоровел, став его почитателем.

Опубликованные тексты позднейших редакций, где герой чуда поименован как «боярин околничей именем Владимир зовомый, протоспафар саном» [Власов, с. 47; Житие, с. 66], могли порождать разные идеи о его личности с учетом яркого и необычного определения сана. Но в списке неизданной ранней редакции Жития (ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 320 (далее – Унд. 320). Л. 38) приведено еще и родовое прозвание, которое снимает недоумения, позволяя отнести нагромождение чинов к выражающей уважение риторике. «Владимеръ Торокановъ» – несомненно, Владимир Никитич Тараканов (Тороканов) из рода московских гостей, потомок построившего себе в 1471 г. в Кремле каменную палату Торокана. Отец Владимира в конце XV в. был переселен в Новгород, а в 1499 г. земли там получил и Владимир. В качестве купеческого старосты он в 1502 г. участвует в сооружении городского острога, а в 1507 г. – в строительстве Ивангорода¹¹. В 1504 г. Volodimer Michititz Togočanow с Фомой Саларевым фигурируют как купеческие старосты в договоре от имени Новгорода со Швецией [СТ, № 568, s. 505], а в договорах 1510 и 1513 гг. на этом посту нашего героя сменил его младший брат Василий [СТ, № 577, s. 563; № 581, s. 580]. Владимир же перебирается в Москву на службу, где стал дьяком. Он участвует во встречах с послами в 1518 и 1522–1524 гг., а в купчей братьев Чулковых на переславское село 1517/1518 г. назван среди послухов после другого потомка гостей-сурожан Ивана Антонова [АРГ, № 154, с. 148]. В рядной душеприказчиков дьяка Алексея Лукина 1529 г. он уже на почетном первом месте. Духовная Ивана Юрьевича Шигоны Поджогины осени 1541 г. сообщает о долге того Владимиру Тараканову в 10 рублей [Маштафаров, с. 34]. Московский период его жизни, как видим, 1510-е – начало 1540-х гг.¹²

Житие тоже верно отмечает получение героем чуда «сана» именно от великого князя Василия Ивановича. Согласно тексту, советом больному помогли «гости» из Устюга, которым «прилучися» быть в Москве и которые пришли бить ему челом «нѣкїа ради потребы оуправныя». Агиограф объяснил это тем, что «протоспафару» было поручено «судити вотчина... града Устюга» (Унд. 320. Л. 38). *Гости* тут – не члены привилегированной корпорации купцов, пожалованные именными грамотами в звание гостя и несущие государевы службы, как в конце XVI – XVII в.; термин употреблен в более раннем смысле: представители верхушки горожан, возглавляющие их сообщество самые состоятельные

⁹ Вероятно, князь Семен Борисович Суздальский, вкладчик храмовой иконы Успения устюжского собора.

¹⁰ Имеем в виду чудеса об исцелении боярина Михаила Воронцова (боярин с 1531 г., послан на Устюг великим князем Василием Ивановичем, то есть до 1533 г.), о жене Соломони (плененной при известном набеге казанцев 1536 г.), о боящем иерее Доментияне (упоминается в купчей 1535 г. и подтверждениях 1538 г.).

¹¹ О нем см.: [Варенцов, с. 12, 16, 26–27; Савосичев 2013, с. 290, 366–367].

¹² В Платежной книге Деревской пятины 1542–1543 гг. фигурируют как деревни, ранее бывшие за Владимиром, так и еще принадлежащие ему вместе с братом Василием и племянниками [ПКНО, с. 420, 462–463].

жители, чьи дворы описывались отдельно от посада и иначе облагались налогами и пошлинами [Флоря, с. 146–147, 151–152; Голикова, с. 23–27, 33–36]¹³. Они же играли ключевую роль и в крупной торговле, и тут укажем, что «устюжские гости» наряду с «вычегжанами и вятчанами» по Великопермской уставной грамоте 1553 г. владеют монополией на поездки в Пермь в отличие от не допускаемых туда гостей из Москвы, Новгорода и Твери [Семенов, с. 308].

Трудно наверняка решить, что именно – споры, связанные с коммерцией или с управлением городом и землей, – привели гостей из Устюга к дьяку. Заметим, что Устюжский уезд во второй четверти XVI в. (как и Вычегда, Вага и Двина) состоял в ведении Казны, а вскоре туда же перешла и Пермь [Назаров, с. 94; Кром, с. 486–489]. В связи с московской службой Владимира Тараканова уже отмечалось, что почти все его участие в посольских делах «имело финансовый подтекст» [Савосичев 2009, с. 33]: при встрече турецкого посла Скиндера он вручал тому статусные дары [Дунаев, с. 36, 39–41, 72], а на длительных переговорах с орденским послом Дитрихом Шонбергом Тараканов был лишь в день, когда обсуждали плату наемникам и курсы разной европейской монеты в связи с планами денежной помощи магистру [РИО, с. 56]. При этом в рядной душеприказчиков Алексея Лукина после Владимира Тараканова стоят «Григорий Александров сын Великой, да Митя Константинов казенной подъячей», а среди послухов есть еще и «Макар Федоров сын казенной подъячей» [АСЗ, т. 1, № 227, с. 199–200]. В целом все это позволяет предположить службу Владимира именно в Казне (как, возможно, и у получившего тот же чин после дяди его племянника Петра Васильевича Тараканова, который подписал в 1553 г. Уставную грамоту Перми Великой [Семенов, с. 310]).

Посетившие дьяка гости явно входили в один круг с теми устюжанами, о ком шла речь в начале статьи, и вероятно, что имена кого-то из них или их старших родичей выше уже звучали. Агиограф их не назвал, но рассказанное им не так уж мало сообщает об этом сообществе. Со времен Андрея Мишнева прошло полвека, и, хотя состав высшего слоя Устюга и его социальная роль не испытали резких трансформаций, происходящие перемены видны. Самостоятельные военные предприятия горожан уже в прошлом, как и их противостояние с новгородцами. Для решения важных текущих вопросов стало нормой бывать в Москве, и это не экстраординарная ситуация спора с архиереем или наместником, когда требовалось бить челом от всего города самому великому князю, дело уже решается с чиновником, *ведаящим* Устюжскую землю. При этом ему не шлют грамоту, к нему идут лично несколько статусных устюжан.

К важным новациям можно отнести и роль для них культа первого своего святого, вырисовывающуюся из эпизода. Чудеса от гробницы Прокопия значимы не только внутри локальной общности, они ценны и для самопрезентации горожан вне их земли, в том числе в играющей все большую роль для них великокняжеской Москве. Появление патрона-чудотворца, покоящегося у стен собора, стало новым элементом идентичности сообщества, а для его элиты публичное участие в почитании покровителя города и в его трансляции за пределы Устюга добавляются как новые сферы активности к привычным благоукрашению собора, содержанию клира и его защите от посягательств ростовского владыки и московских наместников.

Источники

Аракчеев В. А. Новый источник по истории великокняжеской политики в севернорусских землях в третьей четверти XV века // Российская история. 2011. № 4. С. 178–184.

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975. 435 с.

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Сборник документов. М., 1997. Т. 1. 432 с.; М., 2008. Т. 4. 632 с.

АСЭИ. М., 1964. Т. 3. 688 с.

Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. 632 с.

Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке: историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст. по документам Московского архива Министерства иностранных дел. М., 1916. 92 с.

Житие святого праведного Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца / Подгот. и пер. Л. И. Щеголева; Сост. С. В. Завадская. М., 2003. 240 с.

¹³ Грамота архиепископа Никандра 1554 г. о постройке нового здания собора адресована на Устюг архимандриту «да соборная церкве пречистые Богородицы и честнаго Ея Успения протопопу Феодосию з братиею, и царя государя великого князя детям боярским, и бегоулям, и гостем, и целовальником земским, и священником, и диаконом градским, и посадским, и становым, и окологородным, и старостам, и сотским, и десятским, и торговым людем, лутшим и середним и молотшим людем и всей земли Устюжской» [РИБ, стб. 125]. Гости тут указаны с бегоулями и целовальниками, то есть с должностными лицами – представителями городского сообщества, и отдельно от торговых людей – простых посажан.

- Маишафаров А. В. Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. С. 25–37.
 Павел Йовий. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII / Пер. А. И. Малеева и О. Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 227–290.
 ПКНО – Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятинны 1530–1540-х гг. 866 с.
 ПСРА. М., 2006. Т. 26. 412 с.; А., 1982. Т. 37. 228 с.
 РИБ. СПб., 1890. Т. 12. Ч. 1. 854 с.
 РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 53. X, 252, 30 с.
 Румовский Н. А. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. 138 с.
 Семенов О. В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7. С. 295–333.
 УЛС – Устюжский летописный свод (Архангелогородский Летописец) / Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 128 с.
 Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912. Ч. 1. 274, XIII с.
 ST – Sverges traktater med främmande makter jemte andra dit hörande handlingar. Stockholm, 1895. Del. 3: 1409–1520 / Utg. av O. S. Rydberg. 803 S.

Литература

- Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989. 96 с.
 Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. 524 с.
 Городилин С. В. У кого Лука Варфоломеев взял «землю Заволочкую по Двинѣ всѣ погосты»? (К вопросу об интерпретации летописного известия 6850 г.) // От сорочка к Олекше: Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М., 2023. С. 319–345.
 Карбасова Т. Б. Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 249–301.
 Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. III, 465, IV, III с.
 Кром М. М. Вдовствующее царство: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 887 с.
 Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (к методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76–96.
 Савосичев А. Ю. Приказная бюрократия и купечество в России XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Курск, 2009. С. 30–34.
 Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013. 519 с.
 Сорокатый В. М. Храмовая икона Успенского собора Великого Устюга // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С. 181–192.
 Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV – начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 145–160.

References

- Florya, B. N. Privilegirovanное kupechestvo i gorodskaya obshchina v Russkom gosudarstve (vtoraya polovina XV – nachalo XVII v.). In *Istoriya SSSR*. 1977. No. 5. Pp. 145–160. (In Russ.)
 Golikova, N. B. Privilegirovannyye kupecheskie korporatsii Rossii XVI – pervoi chetverti XVIII v. Moscow, 1998. Vol. 1. 524 p. (In Russ.)
 Gorodilin, S. V. U kogo Luka Varfolomeev vzyal “zemlyu Zavolochkuyu po Dvine vse pogosty”? (K voprosu ob interpretatsii leto-pisnogo izvestiya 6850 g.). In *Ot sorochka k Olekshе: Sbornik statei k 60-letiyu A. A. Gippiusa*. Moscow, 2023. Pp. 319–345. (In Russ.)
 Karbasova, T. B. Svyatcy 1646 g.: pamyati russkikh svyatykh. In *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii*. Saint Petersburg, 2011. Vol. 2. Pp. 249–301. (In Russ.)
 Klyuchevskii, V. O. Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik. Moscow, 1871. III, 465, IV, III p. (In Russ.)
 Krom, M. M. Vdovstvuyushchee tsarstvo: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka. Moscow, 2010. 887 p. (In Russ.)
 Nazarov, V. D. Iz istorii tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii serediny XVI veka (k metodike izucheniya voprosa). In *Istoriya SSSR*. 1976. No. 3. Pp. 76–96. (In Russ.)
 Savosichev, A. Yu. Prikaznaya byurokratiya i kupechestvo v Rossii XVI v. In *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.* Kursk, 2009. Pp. 30–34. (In Russ.)
 Savosichev, A. Yu. D'yaki i pod'yachie XIV – pervoi treti XVI vv.: proiskhozhdenie i sotsial'nye svyazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniya. Orel, 2013. 519 p. (In Russ.)
 Sorokaty, V. M. Khramovaya ikona Uspenskogo sobora Velikogo Ustyuga. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennye pamyatniki Russkogo Severa*. Moscow, 1989. Pp. 181–192. (In Russ.)
 Varentsov, V. A. Privilegirovanное kupechestvo Novgoroda XVI–XVII vv. Vologda, 1989. 96 p. (In Russ.)

Sergey V. Gorodilin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ON THE HISTORICAL REALITIES IN THE HAGIOGRAPHIES OF USTYUG'S HOLY FOOLS (TWO EPISODES FROM LOCAL HISTORY OF THE LAST QUARTER OF THE 15th – THE FIRST HALF OF THE 16th CENTURIES)

The article examines two accounts from hagiographic texts concerning Ustyug's saints, which provide an opportunity to more precisely identify the individuals mentioned therein. This, in turn, allows for the addition of certain new features to the characterization of Ustyug's elite at the turn of the Middle Ages and the Early Modern period.

Keywords: Ustyug, Ustyug land, 15th century, 16th century, dyak Vladimir Tarakanov, John of Ustyug, Procopius of Ustyug

